

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРА

Н. И. Новикова

«АБОРИГЕННОСТЬ» В ДИАЛОГЕ С НЕФТЯНИКАМИ¹

«Аборигенность» рассматривается как правовая идентичность коренных народов, которая зависит от многих факторов: правовой политики государства, деятельности промышленных компаний, научных исследований, общественных движений и организаций и т.п. В районах интенсивного промышленного освоения природных ресурсов нефтяники (как и горняки, газовики и т.п., то есть промышленные компании) определяют правовой статус аборигенов, навязывая обществу часто негативный образ охотников и оленеводов, живущих на «земле месторождения». Существует несколько оценок этого процесса. В мировом сообществе она формулируется в документе ООН «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся защиты, соблюдения и средств правовой защиты» (2011). Промышленные компании в России оценивают само существование аборигенов как негативную, но неизбежную составляющую своего бизнеса.

У коренных малочисленных народов есть свое видение проблемы. Современное аборигенное сообщество неоднородно, одни

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00043.

настаивают на соблюдении традиционного образа жизни, другие видят в индустриализации возможности для модернизации, многие заинтересованы в развитии бизнеса. Они включают «нефтяников» в свое социальное знание, акцентируя внимание на компенсациях и экологических проблемах. Для изучения правовой идентичности коренных народов в процессе промышленного освоения создаются новые возможности во время проведения этнологических экспертиз.

Правовая идентичность коренных народов складывается в процессе развития законодательства, регламентирующего процессы природопользования и правового положения коренных народов. Как и национальная идентичность [Тишков 2013: 313–314], правовая имеет жесткий характер, определяется государственным правовым статусом, правами и обязанностями данной группы. Для того чтобы у аборигенов появилась правовая идентичность потребовались определение их конституционного статуса, предполагающего специальные права, и деятельность общественных организаций и ученых по конструированию этой формы идентичности. Прежде определяющую роль играли локальные этнокультурные или социальные представления. Аборигены четко определяли себя либо по принадлежности к народу, а чаще — по месту жительства (например, река) или социальной группе.

Дискуссии о правовом положении коренных малочисленных народов Севера

Правовое положение коренных малочисленных народов Севера России всегда представляло проблему как для органов власти, так и для исследователей. Сегодня интересно вспомнить историю дискуссий по поводу правового положения народов Севера, тем более что никаких принципиально новых идей не появилось. А если исследователи так настойчивы в своих взглядах и предложениях, то, наверное, эти идеи имеют здравый смысл. С первых шагов советской власти на Севере предлагалось несколько вариантов развития и правового положения коренных народов. Доминирующая политика строилась на классовой теории и обос-

новании права наций на самоопределение в ленинско-сталинской трактовке. Некоторые ученые предлагали альтернативные модели. В частности, в 1920-е годы на страницах газеты «Жизнь национальностей» развернулась интересная дискуссия о возможностях развития этих народов в рамках современного государства. В этот период большую роль в конструировании государственной политики в отношении коренных народов Севера играли крупные ученые, имеющие большой опыт изучения этих народов. В. Г. Богораз предлагал, чтобы органы государственного управления включали «ученых и исследователей, специалистов — этнографов и лингвистов, которые одни компетентны судить об особенностях быта и духа инородцев и притом по самому роду своих занятий привыкли подходить к туземцам вдумчиво и с любовью» [Богораз 1922]. Ему же принадлежит идея создания специальных территорий по типу американских резерваций. Большинство участвующих в дискуссии считали, что «жизнью аборигенов должно управлять обычное право, что средства для большинства будущих программ будут формироваться за счет фиксированных вычетов из прибыли государственных предприятий, работающих на Севере (или за счет сдачи туземных территорий в аренду таким предприятиям), и что новые “агенты по делам индейцев” должны быть абсолютно независимы от контроля на местах» [Слезкин 2008: 175]. Но планам создания территорий с особым правовым режимом, как и политике, основанной на научных этнографических знаниях, не суждено было осуществиться. В марксистской литературе взгляды Богораза были подвергнуты критике [Сергеев 1955: 216], а органы государственной власти избрали путь национально-территориального управления и активного вмешательства в образ жизни и традиционное природопользование народов Севера. Тем не менее политика в период до середины 1930-х годов, до ликвидации Комитета содействия народностям северных окраин, отличалась определенной мягкостью в отношении народов Севера, во всяком случае в правовой части. Первоначально сохранялась роль обычного права в сфере природопользования, провозглашалась необходимость закрепления за этими народами необходимых угодий [Там же: 251].

В целом, в течение всего советского периода, да и в значительной степени впоследствии, сохранялась практика управления коренными малочисленными народами и даже определения того, кто к ним относится, со стороны государственных органов без учета их мнения. Фактически не существовало никаких возможностей для участия аборигенов в принятии решений по жизненно важным для них вопросам. А институты их самоорганизации и самоуправления были слишком слабо развиты. Принципы управления коренными малочисленными народами Севера были заложены во Временном положении об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР. Этот документ подтвердил и закрепил принцип «формальной этничности» и списочного состава коренных народов. Тогда же было закреплено положение о том, что особый статус имеют только сельские аборигены [Временное положение... 1999]. В целом политика советского периода строилась на системе патернализма и некоторых льгот для аборигенных народов.

Особую остроту проблемам правового положения этих народов придают промышленное освоение районов их проживания и традиционной хозяйственной деятельности и конкуренция за возобновляемые природные ресурсы с государственными и частными предприятиями, работающими на Севере. Ухудшение положения народов Севера на фоне общественного подъема в советском обществе в период перестройки вызвало к жизни новую политику государства и создание специального законодательства, определяющего их правовое положение.

Толчком к этим процессам послужила акция писателей народов Севера, которые в 1988 г. направили в ЦК КПСС письмо с предложением о выделении территорий традиционного природопользования. Идея была подхвачена средствами массовой информации. Хантыйский писатель Е. Айпин эмоционально назвал эти земли «территориями жизни». Учеными-гуманитариями в этот период были предложены модели перспективного развития экономики и культуры народов Севера, нашедшие отражение в концепции «неотрадиционализма», когда коренным народам была бы предоставлена возможность самим выбирать пути свое-

го развития, сохраняя и развивая традиционное природопользование на специально выделенных территориях [Неотрадиционализм... 1994].

Устремления этих народов, определившиеся в письме их писателей в ЦК КПСС, были сформулированы в предвыборной программе нивхского писателя В. М. Санги: «Выделение обширных заповедных территорий и природно-культурных комплексов для проживания и хозяйственной деятельности народностей Севера, закрепление за ними приоритетного права природопользования с учетом исторически сложившегося традиционного образа жизни народностей Севера по их предложениям на уровне современных требований... Академии наук СССР с участием общественности разработать альтернативу экстенсивному промышленному освоению экологически очень хрупкой северной тундры и тайги» [Санги 1989: 1, 7]. В. Санги выдвинул также предложение о создании Ассоциации народностей Севера — национально-культурного общественного органа, осуществляющего настоящее представительство северных народностей [Пика, Прохоров 1988: 82].

В массовом сознании образ аборигена, сложившийся в те годы, определялся выражением хантыйского писателя Е. Айпина — «обреченные на гибель» — и взывал к состраданию. Надо отметить, что такие взгляды явились привлекательными для представительной власти, но на деле лишь идеологически обосновывали патерналистскую политику правительства. Реальные шаги по определению правового статуса коренных малочисленных народов Севера России относятся к концу 1990-х годов, на федеральном уровне основные законы коренных малочисленных народов были приняты только в 1999–2001 гг. С 1990-х годов этнографы в качестве экспертов активно участвуют в законотворческой деятельности, в работе комитетов Государственной Думы и Совета Федерации. Научные исследования современного положения аборигенов 1990-х годов часто были связаны с правозащитной деятельностью. Ученые писали об актуальных проблемах, недопустимости непродуманного и нерегулируемого промышленного освоения в районах Севера. В этот период сложилось сотрудничество между исследователями и организациями коренных наро-

дов Севера. В 1989 г. была учреждена Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, сыгравшая большую роль в становлении правосознания аборигенов. Примерно в это же время была создана организация «Тревожный Север», которая впоследствии стала тесно сотрудничать с Международной рабочей группой по делам коренных народов (IWGIA). В этот период и у ученых, и у активистов, и, что особенно важно, у самих аборигенов сложилось представление о коренных малочисленных народах как группе, объединенной общими целями сохранения и развития традиционного природопользования, культуры, сохранения языков и нормативной культуры. Тогда же были предприняты первые попытки проведения прикладных исследований влияния промышленного освоения на коренные народы. И что особенно важно, это было время дискуссий, приведем пример лишь одной из них.

Самотлорский практикум

Оригинальные модели развития коренных народов Севера были предложены в ходе Самотлорского практикума, который проходил в июне 1989 г. в Ханты-Мансийске (практикум был организован Ханты-Мансийским окружкомом КПСС, АПН, Институтом проблем освоения Севера СО АН СССР). Его целью являлась «гуманитарная экспертиза моделей политического решения проблем выживания, сохранения, содействия развитию этносов коренных народностей Тюменского Севера». Практикум проводился в форме деловой игры, во время которой участникам для коллективной экспертизы были предложены стереотипные модели решения этнических проблем. Эксперты были вовлечены в ситуацию выбора: отстаивать приоритет какой-нибудь одной модели, искать компромиссные подходы, предлагать выбор самим коренным народностям. На практикум были приглашены ученые, партийные, советские, комсомольские работники, деятели культуры, представители средств массовой информации. Им было предложено принять на себя и разыграть роли участников заседания «президиума Совета народных депутатов автономного округа». Такого органа не было, но организаторы практикума именно в его

деятельности видели возможности для достижения нового уровня политической культуры в решении национальных проблем, ориентации политических решений на ценности права и морали.

В ходе подготовки практикума были предложены три модели.

Модель 1. «Невмешательство». Сторонники этой модели исходят из убеждения, что управлять национальными процессами мы еще не умеем, скорее, они вовсе «неуправляемы». Следовательно, для субъекта политического решения достойнее и гуманнее в такой ситуации не брать на себя ответственности, уклонившись от выбора.

Модель 2. «Заповедная зона». Ее поборники предлагают включить некоторые территории, где традиционно проживали коренные народы, из процесса промышленного освоения. Эти земли закрепляются за коренными народами в форме национального поселка, района, управление которыми предельно автономно. Предполагается, что именно таким путем удастся восстановить традиционный образ жизни и тем самым устранить социальный дисбаланс, предотвратить физическое исчезновение этноса, а возможно, и достичь этнического возрождения.

Модель 3. Сторонники этой модели предлагают в качестве альтернативы контролируруемую обществом ассимиляцию культур, своего рода «подтягивание» их до уровня современной цивилизации. При сохранении народной самобытности такое решение давало возможность «вписать» народы Тюменского Севера в единый современный тип сознания, а через него — в новый тип общественного уклада.

Анализ материалов экспертного опроса 35 участников практикума показывает, что большинство из них считали, что ни одна из этих моделей не может быть использована в чистом виде. Примерно третья часть придерживалась второй модели, внося в нее некоторые дополнения и изменения. Многие участники подчеркивали необходимость создания ситуации, когда сами народы Севера смогут принимать решения и выбирать тот путь, по которому им идти. Именно народам Севера должно принадлежать законодательное слово в вопросах масштабного и местного строительства, эксплуатации подземных недр и других природ-

ных богатств [Освоение без отчуждения 1989, 1]. В ходе обсуждения для второй модели было предложено другое название — «Самоуправление и экономическая самостоятельность» [Там же: 20].

Фундаментальными для понимания всей ситуации на Севере были названы два вопроса — право на землю и право на принятие решения [Там же: 44]. В ответах экспертов отмечалось, что «малые народы Севера представляются лишь как объекты нашего социалистического альтруизма, а не деятельная и действующая этносоциальная сила. В нашем государстве не реализовано главное право малой нации — право выбора пути, самостоятельного, собственного выбора» [Там же, 2: 4]. Значение именно второй модели в решении стоящих перед народами Севера задач было наиболее полно представлено в ответе на анкету А. И. Пики: «Только системы с заповедными территориями, разумными ограничениями въезда и предоставления работы в национальных поселках позволят изменить ситуацию и дадут этим народностям возможность самостоятельных решений. Без предоставления этой самостоятельности, без перехода от патернализма и навязывания нашей неквалифицированной и грубой формы помощи к принципу содействия, развитию самого коренного населения ситуация не изменится» [Там же: 11]. Как видим многие идеи этого обсуждения соответствуют принципам международного права, представленным в Конвенции ООН о коренных народах и других современных документах.

Аббревиатуры как самоопределение

В автономных округах за прошедший период сделано много для поиска правовых решений вопросов развития коренных народов Севера в современных условиях. Общественное мнение изменилось, в том числе и под влиянием деятельности промышленных компаний, которые стали выплачивать компенсации «владельцам» родовых угодий/территорий традиционного значения. В политике в значительной степени возобладал формальный «списочный подход» [Новикова 2012]. Распространенным стало определение КМНС, причем эта аббревиатура стала использоваться аборигенами для самоидентификации.

Особенно ярко влияние политики промышленных компаний на этническое и правовое самосознание коренных народов проявляется в Ханты-Мансийском автономном округе. Здесь именно благодаря нефтяникам был закреплён юридически особый статус аборигенов. В конце 1990-х годов, когда в Сургутском районе была приостановлена выдача документов на родовые угодья (государственно-правовое закрепление прав аборигенов), единственным юридическим документом, подтверждающим существование аборигенов на их землях были экономические соглашения с нефтяниками. Аборигены говорили: «Раз они заключили с нами соглашение, значит, они нас признают». В их жизни «признание» со стороны нефтяников воспринимается как более важное, чем государственно-правовое.

В августе 2013 г. в г. Сургуте состоялась очередная конференция «Коренные народы. Нефть. Закон». Судя по ее программе, опубликованной в Интернете, в ней принимали участие и аборигены. Интерес для данной работы представляет определение одного докладчика-ханты — «субъект права ТТП № 18л». Таким образом, в Ханты-Мансийском округе определение людей на основании этнической идентичности заменено на определение из регионального закона. Термин «субъекты права традиционного природопользования» появился в законе ХМАО «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре». Ими названы лица и общины коренных малочисленных народов, в интересах которых были образованы родовые угодья и сведения о которых включены в реестр территорий традиционного природопользования.

Таким образом, статус представителя коренных народов, подтвержденный очередным списком, организаторы конференции считали определяющим. Раньше таких людей называли «хозяевами родовых угодий». Такой подход не является случайным, он логично связан с большей важностью для аборигенов именно правовой идентичности, когда все остальные характеристики отходят на второй план, а значит, и сообщество коренных народов строится на общности статуса, а не культурных ценностей и знаний.

Этнологические экспертизы

Право на этнологическую экспертизу — одно из специальных прав коренных народов. По Федеральному закону РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «этнологическая экспертиза — научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса». В настоящее время Комитет национальностей Государственной Думы разрабатывает закон «Об оценке воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации», где планируется дать правовые определения процесса организации и проведения этнологической экспертизы. Другим инструментом установления взаимодействия промышленных компаний и коренных народов могут стать регламенты деятельности компаний, добровольно взятые ими на себя обязательства в соответствии с принципами международного права.

Подобные правила зависят от различных условий, даже в рамках одной компании необходимо учитывать локальные, этнокультурные, природные и другие особенности социальной ситуации и коренного населения, попадающего в зону воздействия промышленной деятельности. Прикладные этнологические исследования, проведенные методами включенного наблюдения и интервью, могут представить полную картину современного положения коренных народов и отношение к происходящим изменениям с их стороны. Но не только. Во время проведения этнологической экспертизы не менее важным становится и изучение корпоративной культуры компаний и представлений ее работников о коренных народах Севера и традиционном природопользовании. В современных условиях именно изучение правовой культуры государства, нормативной культуры коренных народов и регламентаций корпоративной культуры промышленных компаний создает поле для диалога в Арктике.

В процессе проведения этнологических экспертиз возникает уникальная возможность оценить новые грани этнографического поля и проверить на прочность академические знания. На-

сколько знания, полученные в ходе этнографического исследования, могут носить нормативный характер? А ведь именно управленческих решений ждут от экспертизы и аборигены, и исследователи. Как можно объединить высказывания, мнения всех представителей коренных народов, когда в их среде нет консенсуса? И, что не менее важно, как убедить компании и органы власти, что именно эти данные служат достаточным основанием для выводов и рекомендаций, сделанных учеными. В нашей стране только коренные малочисленные народы имеют право на проведение этнологической экспертизы, если возникает угроза их образу жизни. С одной стороны, это может привести к консервации традиционного природопользования, а с другой — к стремлению аборигенов получить компенсации от компаний, а значит, некоторые из них могут быть заинтересованы в промышленном освоении. Но эти противоречия важны именно для результатов экспертизы. Аборигенная правовая идентичность укрепляется. Причем часто заказчики экспертизы пытаются навязать свой образ аборигенов, настаивая на необходимости для их характеристики чума, оленей, этнических костюмов и т.п. Аборигенная правовая идентичность в значительной степени становится показателем ущербности. Но идентичность, основанная на конституционном статусе, оказывается для людей более важной, чем определение себя на основании культурных характеристик, языка или происхождения, что характерно для большинства населения страны.

Библиография

Богораз В. Г. О первобытных племенах // Жизнь национальностей. 1922. № 1.

Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР // Статус малочисленных народов России. Правовые акты. М., 1999. Кн. 2.

Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика) / под ред. А. И. Пики, Б. Б. Прохорова. М., 1994.

Новикова Н. И. «Списочная» идентичность и живая жизнь аборигенов российского Севера // ЭО. 2012. № 2. С. 27–34.

Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса: пре-принт. Тюмень, 1989. Вып. 1–2.

Пика А. И., Прохоров Б. Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 76–83.

Санги В. Чтобы крона не оголилась // Литературная газета. 1989. 15 февр.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь малых народов Севера. М.; Л., 1955.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.

Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

Abstract

“Indigeneity” is considered as legal identity of indigenous peoples which depends on many factors: legal policy of the state, activity of the industrial companies, scientific researches, social movements and organizations, etc. Process of its formation also unfolds in the frameworks of the special legislation and ethnological assessments.